

Жизнь со слезами на глазах

23.04.2019

– 0 страшных цифрах тех лет пишет на своей странице в Facebook новосибирский журналист Николай Зайков. –

К началу Великой Отечественной войны в Новосибирске проживало около 400 тысяч человек. Большой город! Но уже в 1943 году население Новосибирска возросло до 600 тысяч человек. Да, многие новосибирцы ушли на фронт, но их заменили эвакуированные люди, более ста тысяч жителей приехало только из Ленинграда. Кроме того, перевод промышленности на военные рельсы вызвал резкий приток сельчан, особенно девушек и парней допризывного возраста.

А чем кормить такое количество народа?

Естественным решением стала карточная система. Она вводилась в годы Гражданской войны, при НЭПе её отменили, однако в 1929 году вновь ввели: в Новосибирске сначала на хлеб, затем на другие продукты, а далее и на товары промышленного производства. Причиной, конечно, была сталинская политика – курс на индустриализацию в городах и создание колхозов в селе. Любой ценой. Свободная продажа хлеба возобновилась только с 1 января 1935 года; с 1 октября 1935 года отменили карточки на другие продукты – мясо, рыбу, сахар, жиры, картофель. В 1936 годы исчезли и карточки на промышленные товары.

Люди ещё не забыли голодных лет карточной системы, и вот война вынудила вернуться к этому постыдному социальному изобретению. А что делать? Хоть понемножку – но каждому. Хотя в первой половине тридцатых годов принцип «всем поровну» не соблюдался. Например, коммунисты при Сталине получали привилегированные карточки, и некоторая часть партийцев страшилась быть

изгнанной из ВКП(б) по этой причине. Вот и в начале войны общегородские продовольственные ресурсы руководители решили делить по-своему.

Установили четыре вида карточек: для рабочих и технических специалистов; для служащих; для иждивенцев; для детей до двенадцати лет. Кроме того, первую группу карточек – для производственников – разделили ещё на две группы в зависимости от ценности предприятий для обороны государства.

Норма на хлеб считалась посуточно, а на другие продукты – помесечно. По карточкам для первой категории рабочих и инженерно-технических сотрудников полагалось 800 граммов хлеба – ежедневно, 2,2 кг мяса или рыбы – в месяц, полтора кг крупы и макаронных изделий, 600 граммов жиров, 600 граммов сахару – всё это раз в месяц. Служащим выдавали хлеба по 600 граммов ежедневно, иждивенцам и детям – по 400 граммов. Других продуктов им доставалось значительно меньше, чем по карточкам первой группы. Ударникам, стахановцам, беременным женщинам, ответственным руководителям полагались дополнительные талоны.

В течение всех четырёх лет войны карточная система работала неравномерно: нормы менялись, одни продукты заменялись другими, худшего качества, некоторые не выдавали вовсе. Отovarить карточки тоже было проблемой; с раннего утра у хлебных магазинов вытягивались очереди, порой бывали перебои, и тогда люди волновались: ох, плохи на фронте дела!

Цена на продукты по карточкам не менялась в течение всей войны, однако нормированные продукты продавались на рынках по спекулятивным ценам, а позднее были созданы и государственные коммерческие магазины, где те же товары, что и по карточкам, можно было купить, но уже во много раз дороже. Чтобы дать представление о порядке цен, можно привести такие средние по стране цифры. Квалифицированный рабочий оборонного завода получал в месяц 800 рублей, профессор – около 1000 рублей. Это были высокие зарплаты в сравнении с другими. На рынке в 1943 году 1 кг сливочного масла стоил 793 рубля, то есть всю зарплату рабочего. За 1 кг капусты просили 43 рубля, за 1 кг картофеля – 45 рублей, десяток яиц стоил 198 рублей, буханка пшеничного хлеба 0,7 кг – 400 рублей, 1 кг говядины – 314 рублей, 1 кг ржаной муки – 158 рублей. Бутылка водки в годы войны стоила 1000 рублей. В июне 1941 года литр молока стоил 2 рубля, в октябре того же года уже 10 рублей, а в 1943 году – 87 рублей.

Можно подумать, что при таких рыночных ценах колхозники были сыты. Это не так. Во-первых, им не полагались карточки, поэтому все продукты и товары первой необходимости (мыло, керосин, спички, соль, обувь, одежду) они покупали по рыночным ценам; во-вторых, колхозники обязаны были бесплатно сдать государству большое количество мяса, молока, яиц, шерсти и прочего. А если нет, например, коровы? Покупай молоко на рынке – и сдавай государству. Единственное, за счёт чего выживали сельчане, – приусадебное хозяйство, личные огороды.

И в Новосибирске с весны 1942 года были засажены почти все газоны, клумбы, пустыри; в основном выращивали картошку – она и спасала. Вся нынешняя площадь Маркса, вся территория вокруг Башни была засажена картофелем: это было одно сплошное огромное поле. Кроме того, многие новосибирцы получали участки за

городом. Предприятия делали всё возможное, чтобы организовать коллективные выезды на поля.

Большую подмогу со временем стали оказывать подсобные хозяйства. Ветераны Новосибирского электровозоремонтного завода вспоминали, что зимой 1942 года предприятию выдели 500 гектаров земли в Коченёвском районе. Там быстро соорудили два коровника, свинарник, курятник. Пахали и сеяли на лошадях. С их же помощью убирали урожай. Выращивали зерно, картофель, свёклу, морковь, горох. Добираться в Коченёвский район из Первомайского было сложно – только по железной дороге. Сначала ехали от Инской до Новосибирска, там пересаживались и направлялись в Чулым. Чтобы успеть на пересадку в шесть утра, люди выезжали с завода глубокой ночью. Но оно того стоило: осенью каждая семья заводчанина получила по 50-70 кг картошки на работающего, а ещё и овощи, и просо.

Победный 1945 год был не таким уж сытным. Страну вновь настиг неурожай. Голодным выдался 1946 год, резко возросла смертность. Карточную систему отменили в декабре 1947 года, через два с половиной года после окончания войны, и совместили её отмену с денежной реформой конфискационного типа».

Оригинал публикации